Приключения маленьких человечков

Мэри Нортон

Добывайки

#эксмодетство

Приключения маленьких человечков

Мэри Нортон

Добывайки

«Эксмо»
1952

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

Нортон М.

Добывайки / М. Нортон — «Эксмо», 1952 — (Приключения маленьких человечков)

ISBN 978-5-04-091398-5

Сказочные чудесные истории о маленьких человечках-добывайках, которые живут рядом с нами и потихоньку «одалживают» разные вещи. Мэри Нортон (1903–1992) — известная британская писательница, придумавшая крошек-добываек, получила за эти книги престижную литературную премию Карнеги.

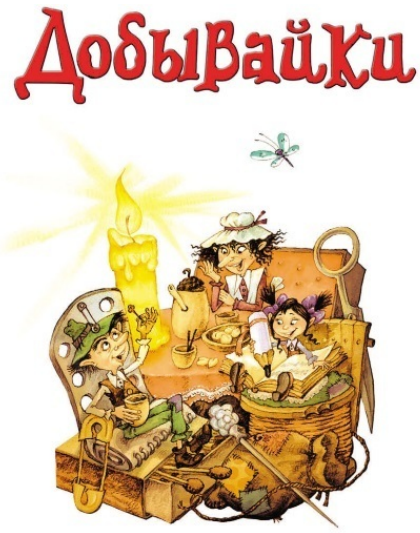
УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-091398-5

© Нортон М., 1952
© Эксмо, 1952

Содержание

Глава первая 6
Глава вторая 11
Глава третья 15
Глава четвёртая 17
Глава пятая 21
Глава шестая 27
Конец ознакомительного фрагмента. 28



Мэри Нортон
Добывайки

© Mary Norton Th e Borrowers
The Borrowers © Mary Norton 1952
This edition is published by arrangement with Aitken Alexander Associates Ltd. and Van Lear Agency

© Харченко В.В., ИД «ШКОЛА», иллюстрации, 2016
© Г. Островская, перевод на русский язык, наследники, 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава первая

Первая рассказала мне о них миссис Мей.

Нет, не мне. Не могла же это быть я – эта вспыльчивая, неаккуратная, своевольная девочка с дерзким взглядом и дурной привычкой кусать ногти. Кажется, её звали Кейт. Да, так и есть – Кейт. Хотя как её звали, не так уж важно: она почти не участвует в нашей истории.

Миссис Мей занимала две комнаты в квартире родителей Кейт в Лондоне, будучи, как я думаю, их дальней родственницей. Спальня её помещалась на втором этаже, а гостиной служила комната, где они раньше завтракали. В таких комнатах хорошо по утрам, когда солнечные лучи играют на хрустящих гренках и апельсиновом джеме, но после полудня солнце исчезает и комната светится странным серебристым светом, словно уже наступили сумерки.

Тогда в ней появляется что-то печальное, но девочкой Кейт любила всё печальное и частенько проскальзывала к миссис Мей, перед тем как отправиться пить чай, и миссис Мей учила её вязать.

Миссис Мей была старая – суставы у неё почти не сгибались – и… нет, не строгая, просто твёрдо знала, что хорошо, а что плохо, и это заменяло строгость. Кейт никогда не бывала с миссис Мей своевольной, неаккуратной и вспыльчивой, и миссис Мей учила её много чему кроме вышивания: как намотать шерсть овальным клубком, как красиво заштопать дырку, как прибрать у себя в ящике и положить поверх всего, от пыли, лист шуршащей папиросной бумаги.

– Почему ты сегодня такая тихая, детка? – спросила однажды миссис Мей у Кейт, сидевшей безо всякого дела на кожаной круглой подушке. – Что с тобой? Ты что, потеряла дар речи?

– Нет, – сказала Кейт, дёргая пуговку на туфле. – Я потеряла крючок для вязания. – Они делали шерстяное вязаное одеяло из отдельных квадратов; надо было связать ещё тридцать штук. – Но, кажется, знаю, куда положила его, – поспешила она добавить. – На нижнюю полку книжного шкафа.

– На нижнюю полку? – переспросила миссис Мей; её крючок неуклонно двигался вперёд, поблёскивая при свете огня. – Недалеко от пола?

– Да, – сказала Кейт, – но я искала на полу. И под ковриком у постели. Везде. Клубок остался. Там, где я его положила.

– Вот те на! – воскликнула миссис Мей. – Неужели они есть и в этом доме?

– Кто – они? – спросила Кейт.

– Добывайки, – ответила миссис Мей, и Кейт почудилось, что на лице старой дамы промелькнула улыбка.

Кейт уставилась на неё с некоторым страхом, но через минуту всё же спросила:

– А такое бывает на свете?

– Какое – такое?

Кейт моргнула.

– Ну… такие существа, которые живут в твоём доме и… берут твои вещи?

Миссис Мей опустила своё вязанье на колени и спросила:

– А ты как думаешь?

– Не знаю, – сказала Кейт, глядя в сторону и изо всех сил дёргая пуговку на туфле. – Конечно, их не может быть. И всё же… и всё же иногда я думаю, что они есть.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что столько вещей исчезает неизвестно куда. Французские булавки, например. Целые фабрики делают булавки, люди каждый день покупают булавки, и всё же, когда тебе нужна булавка, ты никогда не можешь её найти. Где они все? Вот сейчас, в эту минуту? Куда

они деваются? А иголки! Не могут же все иголки, которые мама купила за всю свою жизнь – уж, наверно, не меньше нескольких сотен – валяться по дому.

– Нет, не могут, – согласилась миссис Мей.

– А все остальные мелочи, которые мы покупаем! Каждый раз заново. Карандаши, и спички, и сургуч, и шпильки для волос, и напёрстки…

– И шляпные булавки, – вставила миссис Мей, – и промокательная бумага.

– Промокашки – да, – согласилась Кейт, – но не шляпные булавки.

– Тут ты не права, – сказала миссис Мей, вновь взявшись за вязание. – Без шляпных булавок им не обойтись.

Кейт изумлённо взглянула на неё.

– Не обойтись? Почему?

– Ну, на то есть две причины. Во-первых, шляпная булавка – удобное оружие, а во-вторых… – Миссис Мей вдруг рассмеялась. – Но это всё звучит так дико и… и было так давно!

– Расскажите мне, – попросила Кейт, – расскажите, откуда вы знаете о шляпных булавках. Вы хоть раз видели их?

Миссис Мей бросила на неё удивлённый взгляд.

– Конечно…

– Да не булавки! – нетерпеливо воскликнула Кейт. – А этих… как вы их назвали… добываек.

Миссис Мей перевела дыхание и быстро сказала:

– Нет, никогда.

– Ну так кто-нибудь другой видел! И вы это знаете! Вижу, что знаете.

– Тише, – попросила миссис Мей. – Ни к чему так кричать! – Взглянув на обращённое к ней снизу лицо, она улыбнулась и, отведя глаза, уставилась в пространство, а потом неуверенно начала: – У меня был брат…

Кейт быстро забралась на подушку с ногами и подобрала подол платья.

– И он их видел?!

– Не знаю, – сказала миссис Мей, покачивая головой, и разгладила на коленях вязанье. – Правда не знаю… Он так любил нас дурачить… меня и сестру, рассказывал нам такие небылицы… – Помолчав, она тихо добавила: – Его убили, много лет назад, на северо-западной границе. Погиб, как теперь говорят, смертью храбрых…

– Он был ваш единственный брат?

– Да, младший. Я думаю, именно поэтому… – Она замолчала на миг, всё ещё улыбаясь своим мыслям. – …Он и выдумывал всякие невероятные, такие фантастические истории. Он завидовал нам, я полагаю, потому что мы были старше и лучше умели читать. Он хотел нас удивить, а возможно, даже напугать. И всё же было что-то… возможно, потому, что мы выросли в Индии, где столько таинственных легенд… что-то, заставлявшее нас верить ему. Иногда мы знали, что он нас просто дурачит, но чаще мы не были до конца уверены в этом. – Она наклонилась и аккуратно смела золу, высыпавшуюся за каминную решётку. Затем, всё ещё с метёлочкой в руках, снова уставилась на огонь. – Он был не очень крепкий мальчик: в первый же год, когда приехал в Англию, чтобы пойти в школу, заболел ревматизмом, пропустил целый семестр, и его отправили к нашей двоюродной бабушке тёте Софи, что жила за городом. Позже я тоже туда ездила. Это был такой странный старый дом… – Миссис Мей повесила метёлочку на медный крючок, где она всегда висела, и, отряхнув платком руки, снова взялась за вязание. – Зажги-ка лучше лампу.

– Ещё рано зажигать, – умоляюще проговорила Кейт, наклоняясь к ней. – Пожалуйста, рассказывайте дальше. Пожалуйста…

– Но я уже всё рассказала.

– Нет, не всё. Этот старый дом… он там увидел… этих… этих?..

Миссис Мей рассмеялась.

– Там ли он увидел добываек? Да, так он сказал нам… хотел заставить в это поверить. Мало того: по его словам, не только видел, но даже был близко с ними знаком, став, так сказать, частью их жизни и – в каком-то смысле – сделавшись добывайкой.

– О, пожалуйста, пожалуйста, расскажите мне. Постарайтесь вспомнить. С самого-самого начала.

– Но я и не забывала ничего: до сих пор всё прекрасно помню. Как ни странно, я помню это лучше, чем многие настоящие события своей жизни. Быть может, это тоже настоящие события. Не знаю. Понимаешь, когда возвращались в Индию, мы с братом спали в одной каюте… сестра делила каюту с гувернанткой. Ночи были такие жаркие и душные, что часто мы не могли уснуть и брат часами рассказывал мне о добывайках, повторял их разговоры, вновь и вновь описывал подробности… старался представить, как они поживают, что делают и…

– «Они»? Кто «они»?

– Хомили, Под и маленькая Арриэтта.

– Под?

– Да. Даже имена у них звучали неправильно. Они думали, что у них собственные имена, непохожие на человеческие, но вы сразу слышали, что и имена взяты ими у людей. Даже у дядюшки Хендрири и его дочки Эглтины. Всё, что имели, они добывали у людей, у них не было ничего собственного. Ничего. И при этом они были очень обидчивы, очень высокого мнения о себе и думали, что являются хозяевами земли.

– Не понимаю.

– Они думали, что мы, люди, созданы только для того, чтобы исполнять всякую чёрную работу… рабы-великаны, предоставленные в их распоряжение. Во всяком случае, так они говорили друг другу. Но брат утверждал, что в глубине души они боялись. Он считал, что от этого они и сделались такими маленькими: от страха. С каждым поколением они становились

меньше и меньше и прятались всё глубже и глубже. В давние времена здесь, в Англии, наши предки рассказывали много историй о маленьком народце[1].

– Да, я знаю, – отозвалась Кейт.

– В наши дни, – неторопливо продолжила миссис Мей, – если они и существуют, то найти их можно, вероятно, только в старых, спокойных домах, далеко от больших городов и шума; в домах, где жизнь идёт по установившемуся раз и навсегда порядку. Порядок для них – порука безопасности; им очень важно знать, в какие комнаты можно заходить и когда. Они не останутся надолго в доме, где живут неаккуратные взрослые, непослушные дети и домашние животные.

Тот старый дом был, конечно, для них идеальным… хотя некоторые из них считали, что он чуть-чуть холодноват и несколько пустоват. Тётя Софи была прикована к постели, после того как упала с лошади во время охоты лет двадцать назад. А кроме неё там была только миссис Драйвер, экономка и кухарка, да Крампфирл, садовник. Изредка появлялась на короткое время какая-нибудь служанка. И всё. Когда мой брат приехал туда, ему ещё долго пришлось лежать в постели, и первое время добывайки, по-видимому, не знали о его существовании.

Он спал в бывшей детской, за классной комнатой. В то время классной комнатой больше не пользовались, мебель стояла в чехлах, и там было полно всякого старья – сундуки и сундучки всех размеров, сломанная швейная машина, парта, портновский манекен, стол и несколько стульев, пианола; дети, которые когда-то на ней играли – дети тёти Софи, – уже давно выросли, женились, вышли замуж, умерли или разъехались по свету. Дверь между детской и классной комнатой всегда стояла открытой настежь, и с кровати брату была видна большая картина над камином, изображавшая битву при Ватерлоо, и на стене в углу – шкафчик со стеклянными дверцами, в котором стоял на полках кукольный сервиз, очень старый и хрупкий. Если дверь из классной комнаты тоже оставляли открытой, он видел освещённый коридор, который вёл к лестнице. Каждый день под вечер на площадке лестницы появлялась миссис Драйвер с подносом в руках, где лежало печенье и стоял высокий гранёный графин с доброй старой мадерой. Она несла его в спальню тёти Софи и на обратном пути прикручивала газовый рожок в коридоре, так что оставался лишь маленький голубой язычок, а затем, тяжело ступая, медленно спускалась по лестнице и исчезала внизу.

Там, внизу, в холле, стояли часы, и всю ночь мальчик слышал, как они отбивают время. Это были высокие напольные часы-куранты, очень старые.

[1] Так в Англии называли эльфов. – *Здесь и далее прим. ред.*

Каждый месяц в дом приходил мистер Фрит из Лейтон-Баззарда и заводил их, как это раньше делал его отец, а ещё раньше – дед. Говорили (а мистер Фрит знал это наверняка), что за восемьдесят лет часы ни разу не остановились, и можно было предположить, что они ни разу не останавливались и до того. Главное – не сдвигать их с места. Стена за курантами была обшита дубовой панелью, а пол из плитняка так стёрся от частого мытья за все эти годы, что часы, говорил мне брат, стояли словно на каменной платформе.

А под часами в самом низу дубовой панели была дырочка…

Глава вторая

Это была дыра Пода… ворота в его крепость… вход в его дом. Не думайте, что дом был поблизости от часов, вовсе нет. К нему вели длинные, тёмные и пыльные, переходы с деревянными дверцами между балками и металлическими воротцами против мышей. Чего только не использовал Под для этих воротец: створку складной тёрки, крышку от шкатулочки для монет, квадратные кусочки дырчатого цинка от старого ящика для хранения мяса, проволочную хлопушку для мух… «Я вовсе не боюсь мышей, – не раз говорила Хомили, – но запаха их не выношу». Напрасно Арриэтта просила позволить ей завести мышку, маленького мышоночка, которого она выкормила бы с рук… «как Эглтина». Хомили сразу же начинала грохотать крышками от кастрюль и восклицала: «И вспомни, что с ней случилось!» – «Что? – всякий раз спрашивала Арриэтта. – Что случилось с Эглтиной?» Но на это никто не давал ей ответа.

Только Под знал дорогу к дыре под часами – не дорога, а настоящий лабиринт. Только Под умел открывать воротца. На них были сложные задвижки-застёжки, сделанные из заколок для волос и французских булавок, и только Под знал их секрет. Его жена и дочка вели жизнь без тревог и забот в уютной квартирке под кухней, далеко от опасностей, которыми мог грозить дом над их головой. В кирпичной стене ниже уровня кухонного пола имелась решётка, сквозь которую Арриэтте был виден сад – кусочек гравийной дорожки и клумбы, где весной цвели крокусы и куда ветер приносил лепестки с цветущих деревьев. Позднее там расцветал куст азалии, и иногда прилетали огромные птицы: что-то клевали, резвились, а порой дрались.

«Ну виданное ли это дело – часами сидеть и глазеть на птиц! – ворчала Хомили. – А когда мне что-нибудь от тебя нужно, тебе всегда недосуг. В моём доме, у моих мамы и папы, не было никакой такой решётки, и слава богу! Ну-ка сбегай принеси мне картошки».

Так она говорила и в тот день, когда, прикатив картофелину из кладовой по пыльному проходу под половицами, Арриэтта сердито пнула её ногой, так что та влетела в кухню, где Хомили что-то готовила, наклонившись над плитой.

– Да что это с тобой?! – воскликнула она сердито, оборачиваясь к дочери. – Ещё немного, и я оказалась бы в кастрюле с супом. И когда я говорю «принеси картошки», я имею в виду именно «картошку», а не картошку.

– Откуда я знала, сколько тебе нужно, – пробормотала Арриэтта, а Хомили, возмущённо фыркнув, сняла с гвоздя на стене половинку сломанных маникюрных ножниц, чтобы срезать кожуру, и проворчала:

– Ты погубила эту картофелину, и мне пришлось её очистить, поэтому откатить назад не получится.

– Подумаешь, важность, – пожала плечами Арриэтта. – Да их там целая куча.

– Вы только послушайте её! Целая куча! Да понимаешь ли ты, – серьёзно и даже торжественно провозгласила Хомили, откладывая «нож», – что твой отец рискует жизнью всякий раз, когда добывает картофель?!

– Я хотела сказать, что у нас в кладовой его целая куча.

– Ладно, что бы ты ни хотела сказать, не вертись у меня под ногами, – буркнула Хомили и опять взялась за нож. – Мне надо готовить ужин.

Арриэтта вышла в столовую – там в очаге уже ярко пылал огонь, и комната выглядела весело и уютно. Хомили гордилась своей столовой. Стены её были оклеены обрывками писем, найденных в мусорной корзине, которые были расположены так, что строчки бежали сверху вниз вертикальными полосками. На стенах висели разноцветные портреты королевы Виктории – марки, несколько лет назад добытые Подом из коробочки на бюро в кабинете. Там стояла лакированная, обитая внутри бархатом шкатулка для украшений, которая служила им стулом-ларём, и незаменимая в хозяйстве вещь – комод, сделанный из спичечных коробков. Имелся и покрытый красной плюшевой скатертью круглый стол, который Под смастерил из деревянного донца коробочки для пилюль, взяв в качестве ножки резную подставку от шахматного коня. (Пропажа этого коня в своё время вызвала большую суматоху в доме, когда старший сын тёти Софи, неожиданно приехавший к ней на несколько дней, пригласил викария «сразиться после обеда». Роза Пикхетчет, служанка, заявила, что немедленно от них уходит. Вскоре после этого обнаружилось, что недостаёт кое-каких других мелочей. С тех пор в дом не брали служанок, и миссис Драйвер царствовала безраздельно.) Сам конь – так сказать, его бюст – стоял в углу на подставке-катушке и, поскольку выглядел очень изысканно, придавал комнате тот особый оттенок, который может дать только скульптура.

Возле очага в деревянном пенале Арриэтты была библиотека, состоявшая из набора тех миниатюрных томиков, которые так любили в Англии во времена королевы Виктории. Арриэтте они казались огромными, как церковная Библия. Среди них были: изданный Брюсом «Географический справочник Мальчика-с-пальчика», включающий самые современные для начала века названия, и «Словарь Мальчика-с-пальчика» с краткими объяснениями научных, философских и технических терминов, томик «Комедии Вильяма Шекспира для Мальчика-с-паль-

чика» с предисловием об авторе, ещё одна книжка с чистыми страницами, которая называлась «Памятные заметки», и последняя – по списку, но не по значению – любимейшая книга Арриэтты «Дневник Мальчика-с-пальчика с пословицами и поговорками», где для каждого дня года было своё изречение, а в предисловии давалось жизнеописание человечка по прозвищу Мальчик-с-пальчик, который женился на девушке по имени Мерси Лавиния Бамп. Титульный лист украшала гравюра, изображавшая их экипаж, запряжённый парой лошадей величиной с мышь. Арриэтта, умная девочка, знала, что лошади не могут быть такими маленькими, но не представляла, что Мальчик-с-пальчик показался бы добывайкам не таким уж крошкой.

Арриэтта научилась читать по этим книгам, а писать – копируя буквы с обоев на стене, для чего ей приходилось сворачивать голову набок. Даже умея писать, она не всегда делала записи в дневнике, однако почти каждый день снимала его с полки, чтобы прочитать очередное изречение. Сегодня там было написано: «Тише едешь – дальше будешь». Арриэтта отнесла книгу к очагу и села, поставив ноги на решётку.

– Что ты делаешь, Арриэтта? – спросила из кухни Хомили.

– Пишу дневник.

– А…

– Тебе что-нибудь нужно? – Арриэтта могла не бояться: Хомили любила, когда она пишет, и вообще поощряла все виды культуры. Сама она, бедняжка, даже букв не знала.

– Ничего, ничего! – сказала мать, грохоча крышками. – Успеется.

Арриэтта вынула карандаш. Это был маленький белый карандашик с привязанной к нему шёлковой ленточкой, снятый с бальной программки, но в крошечных ручках казался не меньше скалки.

– Арриэтта! – снова позвала из кухни Хомили.

– Да?

– Подбрось-ка немного угля в огонь.

Крепко ухватив книгу обеими руками, Арриэтта с усилием сняла её с колен. Они держали топливо – угольную крошку и измельчённое свечное сало – в оловянной горчичнице и подбрасывали его в очаг ложечкой для горчицы. Арриэтта чуть-чуть наклонила ложечку, стряхнула несколько крупинок, чтобы не затушить огонь, и осталась возле очага, наслаждаясь теплом. Это был замечательный очаг: дедушка смастерил его из цевочного колеса, которое когда-то стояло в прессе для приготовления сидра. Спицы колеса расходились в разные стороны, в центре имелось гнёздышко для самого очага, а над ним был колпак из воронки, подвешенной раструбом вниз. Через эту воронку некогда наливали керосин в лампу, стоявшую в холле. Целая система труб, отходившая от горлышка воронки, уносила дым наверх, в кухонный дымоход. Разжигали очаг полешками-спичками, а уж потом подбрасывали угольную крошку, и, когда он разгорался и железо раскалялось, Хомили ставила на спицы серебряный напёрсток с супом, чтобы потихоньку кипел, а Арриэтта калила орехи. Какие это были славные, уютные зимние вечера! Арриэтта с огромной книгой на коленях – иногда она читала родителям вслух, – Под с сапожной колодкой в руках (он умел шить замечательные башмаки из лайковых перчаток… теперь, увы, только для своей семьи) и Хомили, наконец-то закончив дела, со своим вязаньем.

Вязать Хомили обожала и вязала всё: нижнее бельё, фуфайки, жакеты, чулки – на булавках с головками, а иногда на штопальных иглах. Возле её кресла всегда стоял огромный, высотой со стол, моток шёлка или простых ниток. Иногда, когда она слишком резко дёргала нитку, моток опрокидывался и выкатывался через открытые двери прямо в тёмный проход. Тогда Арриэтту посылали прикатить его обратно, аккуратно наматывая по пути. Пол в столовой был покрыт тёмно-красной промокательной бумагой, не только мягкой и красивой, но и хорошо впитывавшей всё, что на неё проливали. Время от времени Хомили её меняла, когда можно было раздобыть новую наверху, но с тех пор, как тётя Софи слегла в постель, миссис Драйвер редко вспоминала о промокательной бумаге, разве что когда в доме ожидали гостей. Хомили

любила вещи, которые избавляли её от стирки, ведь не так-то просто сушить бельё, когда живёшь в подполье. Воды, правда, у них было предостаточно – и холодной, и горячей – благодаря батюшке Пода, который отвёл трубки от кухонного котла. Купались они в фарфоровой супнице. Кончив купаться, вылив воду и вытерев ванну, полагалось закрыть её крышкой, чтобы никому не вздумалось складывать в неё грязные вещи. Мыло, целый большой брусок, висело на крюке в кладовой, и они отрезали от него по кусочку. Хомили любила дегтярное мыло, но Под и Арриэтта предпочитали сандаловое.

– А сейчас что ты делаешь, Арриэтта? – опять окликнула дочку Хомили.

– Всё ещё пишу.

Арриэтта снова обеими руками взяла книжку и взгромоздила себе на колени, потом лизнула кончик огромного карандаша и, глубоко задумавшись, уставилась в пространство. Она разрешала себе написать (когда вообще вспоминала о своём дневнике) одну-единственную строчку в день, потому что у неё никогда в жизни – в этом она была уверена – не будет больше дневника и, если она напишет двадцать строчек на каждой странице, ей хватит этого дневника на двадцать лет. Арриэтта вела дневник уже два года, и сегодня, 22 марта, прочитала свою последнюю запись: «*Мама сердится*». Она ещё подумала, затем под словом «мама» поставила знак «—//—», а под словом «сердится» написала «беспокоится».

– Что, ты сказала, ты делаешь? – окликнула её Хомили.

Арриэтта закрыла дневник.

– Ничего, мама.

– Тогда, будь умницей, наруби мне луку… Отец что-то запаздывает сегодня…

Глава третья

Арриэтта со вздохом отложила дневник и пошла на кухню, где, забрав у матери кольцо лука и повесив себе на шею, принялась искать кусочек бритвенного лезвия.

– Фу, Арриэтта! – воскликнула Хомили. – На чистую кофточку! Ты хочешь, чтобы от тебя пахло как от мусорного ведра? На, возьми ножницы…

Арриэтта переступила через луковое кольцо, словно это был детский обруч, и принялась рубить его на части.

– Отец запаздывает, – снова проговорила Хомили, – и это я виновата. Лучше бы я не…

– Что «не»? – спросила Арриэтта. Глаза её налились слезами, в носу щипало; она громко шмыгнула носом и подумала, как было бы хорошо вытереть его о рукав.

Хомили откинула назад прядь жидких волос. Мысли её витали где-то далеко.

– Это всё та чашка, что ты разбила…

– Но я разбила её давным-давно… – начала Арриэтта, моргая и громко шмыгая носом.

– Знаю, знаю. Ты тут ни при чём. Это всё я. Не в том дело, что ты разбила чашку, а в том, что я сказала отцу…

– Что ты ему сказала?

– Ну, я просто сказала… там же есть ещё чашки, в этом сервизе, сказала я, там, наверху, в угловом настенном шкафчике в классной комнате.

– Не вижу в этом ничего плохого, – возразила Арриэтта, кидая кусочки лука один за другим в кипящий суп.

– Но он очень высоко висит, этот шкафчик, туда надо забираться по портьерам. А твой отец в его годы… – И она вдруг села на пробку с металлической головкой от бутылки из-под шампанского. – Ах, Арриэтта, лучше бы я никогда не упоминала об этой чашке!

– Не волнуйся, папа знает, что ему по силам.

Арриэтта вытащила резиновую пробку от флакончика из-под духов, которой было заткнуто отверстие в трубе с горячей водой, выпустила несколько капель в жестяную крышечку от пузырька из-под пилюль, затем добавила туда холодной воды и принялась мыть руки.

– Может, и так, – сказала Хомили. – Но я без конца твердила ему про эту чашку. Ну зачем мне она?! Твой дядюшка Хендрири никогда не пил ни из чего, кроме простой желудёвой чашки, а дожил до преклонного возраста, и у него хватило сил переехать на другой конец света. У моих родителей был один-единственный костяной напёрсток, из которого пили все по очереди. Но если у тебя была настоящая фарфоровая чашка… Ты понимаешь, что я хочу сказать?

– Да, – ответила Арриэтта, вытирая руки о полотенце, сделанное из бинта.

– Главное – портьеры. Ему не взобраться по портьере в его годы… по этим бомбошкам…

– Со шляпной булавкой взберётся, – возразила Арриэтта.

– С булавкой! И этому тоже я его научила! «Возьми шляпную булавку, – сказала я ему, – привяжи кусочек тесьмы к головке и подтягивайся на ней». Это когда я просила, чтобы он добыл часы с изумрудами в Её спальне. Хотела знать, сколько времени печётся пирог! – Голос Хомили задрожал. – Твоя мать дурная женщина, Арриэтта. Эгоистка – вот она кто.

– Знаешь что? – внезапно воскликнула Арриэтта.

Хомили смахнула слезу и еле слышно спросила:

– Что?

– Я могу взобраться по портьере.

Хомили встала.

– Хорошенькое дело! Да как ты смеешь говорить мне такие вещи?!

– Но я могу, могу, могу! Я сумею добывать всё, что надо.

– Ах! – чуть не задохнулась Хомили. – Гадкая девчонка! Как у тебя только язык поворачивается?! – И снова рухнула на табуретку из пробки. – Вот до чего, значит, дошло!

– Мамочка, не надо, пожалуйста, – взмолилась Арриэтта, – ну не расстраивайся же так!

– Как ты не понимаешь… – с трудом начала Хомили, но, не в состоянии найти убедительные слова, уставилась на стол, потом наконец подняла к дочери осунувшееся лицо: – Детка моя, ты не знаешь, о чём говоришь. Добывать совсем не так легко. Ты не знаешь… и, слава богу, никогда не узнаешь, – голос её упал до боязливого шёпота, – как там, наверху…

Арриэтта ничего не сказала, но через минуту спросила:

– А как там, наверху?

Хомили вытерла лицо передником и, пригладив волосы, начала:

– Твой дядюшка Хендрири, отец Эглтины… – И вдруг остановилась. – Послушай!.. Что это?

Издали донёсся еле слышный звук… словно защёлкнули щеколду.

– Отец! – воскликнула Хомили. – Ой, на что я похожа! Где гребешок?

У них был даже гребешок – крошечный серебряный старинный гребешочек для бровей, выпавший когда-то из ларчика в верхней гостиной. Хомили быстро провела им по волосам, сполоснула красные, заплаканные глаза, вздохнула, и, когда появился Под, она, улыбаясь, разглаживала обеими руками передник.

Глава четвёртая

Под медленно вошёл в комнату – всё ещё с мешком на спине, – прислонил к стене шляпную булавку с болтающейся тесёмкой и поставил посреди кухонного стола чашку из кукольного сервиза, выглядевшую здесь салатницей или суповой миской.

– Ой, Под… – начала было Хомили.

– Блюдце тоже принёс. – Под опустил с плеч мешок, развязал и достал из него блюдце. – Принимай! Как раз в пару.

У него было круглое, как булочка с изюмом, лицо, но сейчас щёки как-то обвисли.

– Ой, Под, – встревожилась Хомили, – ты неважно выглядишь. Ты здоров?

Под сел на табурет.

– Вполне.

– Ты забрался по портьере? – не унималась Хомили. – Не следовало, наверное: это слишком тебя разволновало.

Под скорчил непонятную гримасу, глаза его, как на шарнирах, повернулись к Арриэтте. Хомили уставилась на мужа, открыв рот, затем обернулась к дочери и деловито сказала:

– Ну-ка иди к себе, Арриэтта: быстренько, быстренько, будь умницей, а я поговорю с папой и принесу тебе ужин.

– Ну-у, – протянула та, – разве нельзя посмотреть, что ещё добыл папочка?

– У него ничего больше нет. Только еда. Чашку с блюдцем ты уже видела.

Арриэтта пошла в столовую, чтобы убрать на место дневник, и замешкалась, прилаживая свечку на перевёрнутую кверху остриём кнопку, служившую им подсвечником.

– Что ты там возишься? – ворчливо промолвила Хомили. – Дай её сюда. Видишь, её надо ставить вот так. Быстренько иди к себе.

– Спокойной ночи, папочка, – сказала Арриэтта, целуя отца в плоскую бледную щёку.

– Осторожней там со светом, – по привычке предупредил Под, проводив дочь взглядом своих круглых глаз.

– Ну, Под, – сказала Хомили, когда за Арриэттой закрылась дверь и они остались одни, – в чём дело? Что случилось?

– Меня увидели, – без всякого выражения произнёс тот.

Хомили, словно слепая, протянула вперёд руку, нащупала край стола и, ухватившись за него, со стоном медленно опустилась на табурет.

– Ой, Под!

Повисла тишина. Под не сводил глаз с Хомили, а та уставилась на стол, потом подняла белое как мел лицо.

– Как это произошло?

Под заёрзал на месте.

– Не знаю, но меня увидели, и это очень плохо.

– Ни одного из нас, – медленно проговорила Хомили, – не видели после дядюшки Хендрири, да и его, говорят, за сорок пять лет видели первого. – Пальцы её судорожно сжались, словно в голову ей пришла какая-то ужасная мысль. – И всё равно, Под, я отсюда не уйду!

– Никто тебя и не просит, – буркнул тот.

– Уйти и жить, как Хендрири и Люпи, в барсучьей норе! На другом конце света… среди земляных червей!

– Всего в двух полях отсюда, за рощей, – возразил Под.

– Орехи – вот вся их еда! И ягоды. Я не удивлюсь, если они едят мышей…

– Ты и сама ела мышей, – напомнил жене Под.

– И всюду сквозняки, и сырость, и дети растут без присмотра, как дикари. Подумай об Арриэтте! – сказала Хомили. – Вспомни, как мы её воспитали. Единственный ребёнок. Она там погибнет. Для Хендрири это не так страшно.

– Почему? – удивился Под. – У него пятеро.

– Вот именно потому, – объяснила Хомили. – Когда у тебя пятеро детей, за их воспитанием не очень-то уследишь. Но главное сейчас не это… Кто тебя увидел?

– Мальчик.

– Что? – воскликнула Хомили.

– Мальчик. – Под изобразил руками в воздухе силуэт. – Ну… мальчик.

– Но в доме же нет… Какой мальчик?

– Не понимаю. Что значит «какой»? Мальчик в ночной рубашке. Просто мальчик. Ты же знаешь, что такое мальчик.

– Да, – ответила Хомили, – я знаю, что такое мальчик. Но вот уже лет двадцать как в доме нет никаких мальчиков.

– Не было, – возразил Под. – А теперь есть.

Хомили молча уставилась на него, но Под храбро встретил её взгляд, потом она спросила:

– Где он тебя увидел?

– В классной комнате.

– А-а… когда ты доставал чашку?

– Да.

– У тебя разве нет глаз? Ты не мог сперва посмотреть по сторонам?

– В классной комнате никогда никого не бывает. Больше того, и сегодня тоже не было.

– А где же он был?

– В постели. В детской, или как там она у них зовётся. Вот где. Сидел в постели. А дверь была открыта.

– Ну, мог бы заглянуть и в детскую.

– Да как же я мог – на портьере, на полпути от пола!

– Это там он тебя увидел?

– Да.

– С чашкой?

– Да. Я не мог двинуться ни вверх, ни вниз.

– Ах, Под, – сказала Хомили, – не надо было мне тебя пускать. В твои-то годы…

– Да нет, не в этом дело! Ты меня неправильно поняла. Наверх я взобрался с лёгкостью: взлетел как птичка, можно сказать, и бомбошки не понадобились, – а вот потом… – Под наклонился к ней. – В руке у меня была чашка, если ты понимаешь, что я имею в виду. – Он снял чашку со стола. – Она не очень-то лёгкая. Её можно держать за ручку вот так… но она тянет, если так можно выразиться, вниз. Её нужно держать в двух руках. Кусок сыра или яблоко – другое дело, я их просто роняю: толкну, они и упадут, а я слезу потихоньку да и подберу их, – а с чашкой в руке… понимаешь теперь? И когда спускаешься, надо глядеть, куда ставишь ногу. А некоторые бомбошки на портьере оторваны. Не знаешь, за что и ухватиться, чтобы не упасть…

– Ах, Под, – проговорила Хомили, чуть не плача, – что же ты сделал?

– Ну… он взял у меня чашку.

– Что?! – в ужасе воскликнула Хомили.

– Понимаешь, он сидел в постели и смотрел на меня. Я провёл там, на портьере, не меньше десяти минут, потому что часы пробили четверть…

– Но что значит «он взял чашку»?

– Ну, он слез с кровати, подошёл ко мне и сказал: «Давай мне чашку».

– Ой! – выдохнула Хомили, глядя на него во все глаза. – И ты дал?

– Он сам взял, да так осторожно, а когда я спустился, отдал обратно.

Хомили закрыла лицо руками.

– Да не расстраивайся ты так! – взволнованно проговорил Под.

– Он мог тебя поймать! – сдавленным голосом произнесла Хомили, и плечи её затряслись.

– Мог. Но он лишь протянул мне чашку и сказал: «Возьмите, пожалуйста».

Хомили подняла на него глаза.

– Что нам теперь делать?

Под вздохнул.

– А что мы можем? Ничего. Разве что…

– Ах нет, нет! – воскликнула Хомили. – Только не это. Только не переселяться. Да ещё теперь, когда я всё здесь так уютно устроила: и часы у нас есть, и всякое другое.

– Ну, часы можно взять с собой, – сказал Под.

– А Арриэтта? Как насчёт её? Она совсем не такая, как её двоюродные братья: умеет читать, писать и шить…

– Он не знает, где мы живём.

– Но они найдут нас! – воскликнула Хомили. – Вспомни Хендрири. Они принесли кошку и…

– Полно, полно, – остановил жену Под. – Зачем вспоминать прошлое?

– Но и забывать о нём нельзя. Они принесли кошку и…

– Верно, но Эглтина была совсем не такая, как Арриэтта.

– Нет? Но она же её ровесница.

– Они ничего ей не рассказывали, понимаешь? И это было большой ошибкой. Они делали вид, будто на свете нет ничего, кроме нашего подполья, не рассказывали о миссис Драйвер или Крампфирле и, уж конечно, и словечком не обмолвились о кошках.

– В доме и не было кошки, – напомнила ему Хомили, – до тех пор, пока человеки не увидели Хендрири.

– Но потом-то была, – возразил Под. – Детям нужно всё говорить – так я считаю, – не то они сами начинают разузнавать, что к чему.

– Под, – растерянно проговорила Хомили, – мы ведь тоже ничего не рассказывали Арриэтте.

– Ну, она и так многое знает. У нас же есть решётка…

– Она ничего не знает об Эглтине и о том, что будет, если кого-то из нас увидит кто-то из человеков.

– Ну что ж, когда-нибудь расскажем: мы ведь и так собирались, – но к чему спешить?

Хомили поднялась с места.

– Под, мы должны сделать это сегодня.

Глава пятая

Арриэтта, лежа под своим вязаным одеялом, не спала и смотрела в потолок. Это был очень интересный потолок. Под смастерил для дочери спальню из двух коробок из-под сигар, и на потолке были нарисованы прекрасные дамы в развевающихся газовых платьях, которые дули в трубы на фоне ярко-голубого неба. Внизу зеленели перистые пальмы, и крошечные белые домики стояли вокруг площади… Это была великолепная картина, особенно когда горела свеча, но сегодня Арриэтта смотрела на неё и не видела. Стенки коробки из-под сигар не очень толстые, и она слышала родительские голоса, то поднимавшиеся чуть не до крика, то падавшие до шёпота; слышала своё имя; слышала, как Хомили воскликнула: «Орехи – вот вся их еда! И ягоды», – а спустя немного времени тревожный вопрос: «Что нам теперь делать?»

Когда Хомили подошла к её кровати, Арриэтта поднялась, послушно закуталась в одеяло и пошлёпала босиком в тёплую кухню. Там, усевшись на низкую скамеечку и обхватив колени руками, девочка внимательно посмотрела сперва на отца, затем на мать. Хомили опустилась на колени, обняла дочь за худенькие плечи и торжественно начала:

– Наверное, ты знаешь о том, что там, наверху…

– О чём – о том? – не поняла Арриэтта.

– О двух великанах.

– Да: это старая тётя Софи и миссис Драйвер.

– Верно. И Крампфирл в саду. – Хомили положила загрубевшую от работы ладонь на стиснутые руки дочери. – Ты слышала что-нибудь о дяде Хендрири?

Арриэтта задумалась, потом сказала:

– Да. Он уехал на край света.

– Переселился, – поправила её Хомили, – на другую квартиру. С тётей Люпи и детьми. В барсучью нору… дыру на склоне, где растёт боярышник. А почему, как ты думаешь?

– О! – воскликнула Арриэтта, и лицо её просияло. – Чтобы жить на свежем воздухе… лежать на солнышке… бегать по траве… качаться на ветках, как птицы… высасывать из цветов мёд…

– Глупости это! – рассердилась Хомили. – Откуда такие дурные привычки? И кроме того, у дяди Хендрири ревматизм. А переселился он потому, что его увидели.

– О!.. – ужаснулась Арриэтта.

– Его видела двадцать третьего апреля тысяча восемьсот девяносто второго года Роза Пикхетчет в гостиной на полочке над камином. Надо же было выбрать такое место! – добавила вдруг Хомили удивлённо, словно говорила сама с собой.

– О!.. – опять воскликнула Арриэтта.

– Я никогда ни от кого не слышала, никто не счёл нужным мне сообщить, почему он вообще туда забрался. Всё, что там стоит, говорит твой отец, видно с пола или с ручек бюро, если стать боком и держаться за ключ. Так отец и поступает, если заходит в гостиную.

– Говорили, он полез за пилюлями от печени, – заметил Под.

– Что ты имеешь в виду? – удивлённо воскликнула Хомили.

– Для Люпи, – устало объяснил Под. – Кто-то пустил слух, что на каминной полке в гостиной лежат пилюли от печени…

– Вот как? – задумчиво проговорила Хомили. – Я никогда об этом не слышала. Ну и всё равно это был глупый и безрассудный поступок, никому не нужный риск. Оттуда не спустишься иначе как по шнуру от колокольчика. Говорят, Роза смахнула с него пыль метёлочкой, и он стоял так неподвижно рядом с фарфоровым купидоном, что она ни за что не обратила бы на него внимания, если бы он не чихнул. Она была ещё недавно в доме и не знала все статуэтки. Она так завизжала, что мы услышали её даже здесь, под кухней. После того её было не заставить вытирать пыль – разве только со столов и стульев.

– Я редко захожу в гостиную, – вставил словечко Под. – Не стоит труда. Там всё стоит на своём месте, и, если что пропадёт, они сразу заметят. Конечно, бывает, остаётся что-нибудь на столе или на полу возле стула, но только если там были гости, а у них давно уж не бывает гостей: лет десять-двенадцать. Я могу сейчас, не сходя с места, перечислить тебе всё, что есть в гостиной, начиная с горки у окна до…

– А сколько в этой горке красивых вещиц! – прервала его Хомили. – И многие из литого серебра. Там есть серебряная скрипка со струнами и смычком, как раз под рост нашей Арриэтте.

– Что толку в вещах, – вздохнул Под, – которые лежат под стеклом.

– А разве ты не можешь разбить стекло? – удивилась Арриэтта. – Самый уголочек, чуть-чуть ударить, крошечный ку… – Голос её прервался, когда она увидела, с каким удивлением – даже ужасом – смотрит на неё отец.

– Послушай-ка, дорогая, – начала сердито Хомили, но тут же взяла себя в руки и ласково похлопала дочку по плечу. – Она же не понимает, что такое «добывать», – объяснила она Поду. – Она не виновата. – Хомили снова обернулась к Арриэтте: – Чтобы добывать, нужна сноровка – это своего рода искусство. Из всех семейств, которые жили в этом доме, остались мы одни, и знаешь почему? Потому что твой отец – самый искусный из всех добываек; искуснее его в наших краях не было с… ну, со времён, когда ещё был жив твой дедушка. Даже тётя Люпи не могла этого отрицать. А уж куражу в нём было по молодости! Я своими глазами видела, как он прошёл весь обеденный стол из конца в конец уже после того, как прозвучал гонг к ужину, и взял с каждого блюда орех, или конфету, или ещё что-нибудь из десерта и спустился по складке скатерти до того, как в дверь вошёл первый человек. Просто так, для забавы.

– Смысла-то в этом никакого… – не очень уверенно сказал Под.

– Пусть, а всё ж таки кто, кроме тебя, отважился бы на такое?

– Глупость всё это, – вздохнул Под и повернулся к Арриэтте. – Мы не ломаем ничего и не бьём: это уже не будет называться «добывать».

– Тогда мы жили богато, – сказала Хомили. – Ах какие у нас водились красивые вещи! Ты ещё крошкой была, Арриэтта, не помнишь. У нас был ореховый гарнитур из кукольного домика, и набор рюмок зелёного стекла, и музыкальная шкатулка. К нам приходили родственники, и мы устраивали балы. Помнишь, Под? И не только родственники. У нас бывали даже Клавесины. Все бывали, кроме этих Надкаминных из кабинета. Мы танцевали тогда до упаду, а молодёжь чуть не до утра сидела у решётки. Наша шкатулка играла три песенки: «Клементина», «Боже, храни королеву» и «Почтовый галоп». Все нам завидовали тогда, даже Надкаминные.

– А кто это такие? – спросила Арриэтта.

– Неужели я тебе не рассказывала о них? – воскликнула Хомили. – Об этих чванливых господах, что жили высоко на стене за резной обшивкой над каминной доской в кабинете? Ну и публика это была! Мужчины без конца курили, потому что там всегда стояли открытые табакерки, вечно старались забраться повыше по резьбе, а потом соскользнуть вниз, и вообще всячески выставлялись. Женщины их тоже воображали о себе невесть что и без конца любовались собой в зеркале над камином. Они никогда никого к себе не приглашали, да я бы и сама не пошла. У меня от высоты голова кружится, а твоему отцу не нравились их повадки. Он никогда не позволял себе прикладываться к рюмочке, а там, в кабинете, не только табак стоял открыто, но и графины с виски. Не знаю, может, это и не так, – но ходили слухи, что Надкаминные устраивали вечеринки каждую среду, после того как управляющий заходил туда по делам, а потом будто валялись пьяные на зелёном сукне, которым был обтянут стол, среди жестяных коробок и бухгалтерских книг…

– Полно тебе, Хомили, – запротестовал Под, потому что терпеть не мог сплетен. – Я их такими не видел.

– Но согласись, что они на это способны. Под, ты сам просил, после того как мы поженились, чтобы я с ними не общалась.

– Только потому, что это небезопасно – они жили высоко.

– А какие лентяи они были! Уж этого-то ты не станешь отрицать? Никакого домашнего хозяйства не вели. Грелись у камина и ели раз в день – ведь ничего, кроме завтрака, в кабинет не подают.

– Что с ними случилось? – спросила Арриэтта.

– Ну, когда Хозяин умер, а Она слегла в постель, кабинет никому больше не был нужен. Пришлось им уйти. А что ещё им оставалось делать? Ни еды, ни огня. Там ужасно холодно зимой, когда не топят камин.

– А Клавесины?

Хомили задумалась.

– Ну, те были другими. Я не говорю, что они не важничали, как и Надкаминные, потому что тоже много о себе понимали. Твоя тётя Люпи, до того как выйти за дядю Хендрири, была Клавесин (по первому мужу), а уж кому и знать, как не нам, как она задирала нос.

– Право, Хомили… – попытался остановить жену Под.

– И без всяких к тому оснований. Ведь она была просто Захомутницей, перед тем как вышла за Клавесина.

– И куда делся этот Клавесин? – спросила Арриэтта.

– Умер. Люпи осталась с двумя детьми, а Хэндрири к тому времени был уже вдовцом с тремя. И не гляди на меня так, Под. Ты же не станешь отрицать, что она без конца пилила беднягу: считала, что унизила себя, выйдя замуж за одного из Курантов.

– Почему? – удивилась Арриэтта.

– Потому что мы, Куранты, живём под полом, вот почему. Потому что мы не выговариваем слова, как школьный учитель, и не едим тартинок с анчоусами. Что с того, что мы живём под кухней! Это вовсе не значит, что мы необразованные, вовсе нет. Куранты такая же ста-

ринная семья, как Клавесины. Запомни это хорошенько, Арриэтта, и пусть только кто-нибудь попробует сказать тебе, что это не так! Твой дедушка умел писать цифры и считать до… до скольких, Под?

– До пятидесяти семи.

– Вот видишь! До пятидесяти семи! И твой отец тоже умеет считать, сама знаешь. Он умеет записывать цифры и считать до самого конца. Где у них конец, Под?

– Ровно на тысяче.

– Вот видишь! – вновь воскликнула Хомили. – И азбуку знает, ведь это он тебя выучил буквам. И научился бы читать – правда, Под? – если бы ему не пришлось смолоду добывать. Твоему дяде Хендрири и твоему отцу пришлось подняться наверх и начать добывать, когда им было всего по тринадцать лет, как тебе сейчас, Арриэтта. Только подумай!

– Мне тоже хотелось бы… – начала было та, но мать продолжила, не переводя дыхания:

– Поэтому у него не было таких хороших условий, как у тебя. Клавесины жили в гостиной… они переехали туда в тысяча восемьсот тридцать седьмом году, в дыру за деревянной панелью в том месте, где раньше стоял клавесин, если он вообще там стоял, в чём лично я сомневаюсь… А на самом деле их фамилия была Утюг или что-то в этом роде, но они изменили её на Клавесин…

– А что же они ели? – спросила Арриэтта. – Там, в гостиной?

– Сладости, – ответила Хомили. – То, что подают к чаю. Нечего удивляться, что дети у них были такие болезненные. Конечно, в прежние времена было лучше… к чаю подавали сдобные булочки, и лепёшки, и сладкий пирог, и варенье, и джем. А один старый Клавесин даже помнил, как по вечерам там пили молочный пунш! Но им, бедолагам, приходилось добывать всё в такой спешке! В сырые дни, когда человеки сидели чуть не весь день в гостиной, чай приносили и уносили, так что Клавесины и близко к столу подойти не могли, а в хорошую погоду чай подавали в саду. Люпи говорила, что, случалось, изо дня в день они питались одними чёрствыми крошками да пили воду из цветочных ваз. Так что не надо так уж на них нападать: немножко поважничать да поговорить как господа было для них единственным утешением. Ты слышала, как говорит тётя Люпи?

– Да… Нет… Не помню.

– О, нужно было слышать, как она произносит слово «паркет» (это дощечки, из которых сделан пол в гостиной). «Паркэт… парр-кэт». Ох и умора же была! Если подумать, твоя тётя воображала больше всех…

– Арриэтта дрожит от холода, – заметил Под. – Мы не для того подняли девочку с постели, чтобы обсуждать тётю Люпи.

– Верно, верно, – виновато закивала Хомили. – Тебе следовало меня остановить. Ну-ка, мой ягнёночек, закутайся получше в одеяло, а я налью тебе чашку вкусного горячего бульона!

– И всё же, наверное, – задумчиво проговорил Под, в то время как Хомили наливала бульон, – и для того тоже.

– Для чего? – не поняла Хомили.

– Ну, подняли её… чтобы поговорить и об этом тоже: о тёте Люпи, дяде Хендрири… Эглтине.

– Пусть сначала поест.

– Одно другому не мешает, – возразил Под.

Глава шестая

Под кашлянул, и Арриэтта посмотрела на отца поверх чашки с бульоном, которую держала в обеих руках.

– Мы с мамой подняли тебя, чтобы рассказать о том, что делается наверху. Ты как-то сказала, что небо тёмно-коричневое и в нём есть трещины. Это не так: оно голубое.

– Я знаю, – сказала Арриэтта. – Видела через решётку.

– Разве там видно небо?

– Продолжай, – поторопила мужа Хомили. – Расскажи ей о воротах.

– Ну, – тяжело роняя слова, проговорил Под, – а если ты выйдешь из этой комнаты, что увидишь?

– Тёмный коридор, – сказала Арриэтта.

– А что ещё?

– Другие комнаты.

– А если пойдёшь дальше?

– Ещё коридоры.

– А если долго-долго идти по этим коридорам вперёд, и направо, и налево, и снова вперёд – и так до самого конца, – что увидишь?

– Ворота.

– Крепкие ворота, – поправил Под, – такие, что тебе не открыть. Для чего они?

– Чтобы к нам не залезли мыши, – уверенно сказала Арриэтта.

– Ну да… – вовсе не так неуверенно произнёс Под, словно согласился с ней только наполовину. – А ещё для чего?

– От крыс? – предположила Арриэтта.

– Здесь нет крыс. А как насчёт кошек?

– Кошек? – удивилась Арриэтта.

– А ты не думала, что эти ворота для того, чтобы удержать тебя здесь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.